

К 556/42r.

К Р О К О Д И Л

Урожай призыва 1942 года.

Рис. Л. Бродаты

Горчичники доктора Геббельса.

Баллада о четырех подсудимых

«Фашистский особый суд в Ганновере приговорил к длительному тюремному заключению парикмахера, налогового инспектора, конторщика и приказчика за то, что они, беседуя между собой, назвали местного фюрера Лаутербахера растратчиком и пяточником».

Четыре немца в день воскресный
Вели за кружкой разговор:
— Наш Лаутербахер, фюрер местный,—
Растратчик, взяточник и вор!

— Обрил саксонцев Лаутербахер! —
Сказал угрюмый парикмахер.
— Всех обложил, клянусь я богом! —
Сказал инспектор по налогам.

— Списал в расход,— сказал конторщик
И подмигнул, как заговорщик.
— Вот бескорыстия образчик! —
Заметил шопотом приказчик...

Про этот тайный
Разговор
Узнал случайно
Прокурор
По преступленьям уголовным,
И суд фашистский всем виновным
Суровый вынес приговор.

Попал в тюрьму не Лаутербахер
За грабежи и воровство,
А этот жалкий парикмахер
И собеседники его...

А Лаутербахера в тюрьму
Не посадили потому,
Что главный фюрер, всем известный,—
Такой же вор, как фюрер местный!

С. МАРШАК

И г р о к

К ОГДА дьявол азарта окончательно овладеет игроком, игрок бросит карты, поставит в угол бильярдный кий и пойдет играть в рулетку.

Рулетка — это квинтэссенция азарта. Здесь идея игры открыта, как нерв в больном зубе, и сведена к простой арифметике.

Ты поставил на красную цифру, а проклятый шарик остановился на черной. Ты проиграл! Крупье с каменным лицом Рока загребают лопаточкой деньги. Мертвенно-бледный игрок поднимается из-за стола. Через пять минут в соседнем зале слабо щелкнет револьверный выстрел и привычные ко всему клубмены поташут — ногами вперед — уже холодящее тело игрока, покрикивая на любопытных:

— Не толпитесь, господа! Неужели вы никогда не видели покойника?! Продолжайте вашу игру!..

Дьявол азарта окончательно овладел темной душой Адольфа Гитлера.

Бешено крутится и прыгает шарик военного счастья.

Выиграл! Проиграл! Выиграл! Проиграл! Друзья игрока — на деньги их он играет! —

тревожно шепчутся за его спиной. Ведь они «мажут» за него, у них свои страсти и свои волнения.

— Посмотрите, Хорти, пяти ваших дивизий как не бывало!..

— А вы не радуйтесь, Антонеску! Видите; он уже поставил на Сталинград три ваших... Ой!.. Скажите вашим дивизиям «тю-тю»!

А игрок ничего не слышит. Он только смотрит воспаленными глазами на прыгающий шарик да порой, не оборачиваясь, протягивает к друзьям страшную волосатую лапу и коротко, по-ефрейторски, бросает:

— Еще!..

Друзья жмутся, подталкивают друг друга.
— Дайте вы ему, Хорти. Я только что давал!

— А я только что не давал? Я из-за него скоро без танков останусь. Пусть Муссолини даст. Муссолини, дайте ему пару дивизий. Видите — человек просит!..

— Санта мадонна! У меня уже нету!.. Я же еще в прошлом году все в Африке сам продул!..

— Ну?! — грозно хрипит игрок.
Волосатая лапа сжимается в кулак.

Друзья судорожно шарят по карманам и дают игроку еще дивизии.

Но вот ледяной ветерок ужаса шевелит их волосы, студит разгоряченные лысины.

— Он все поставил на зеро!

— Это последняя ставка. Или он выиграет или!..

Прыгает, скачет, бешено крутится шарик военного счастья.

— Что-то будет?! Что-то будет?!

А будет проигрыш. Страшный, небывалый проигрыш. Такой, какого еще не знала история.

Мертвенно-бледный игрок поднимется из-за стола...

Игра сделана, дивизий больше нет!.. А дальше?

Когда труп фашистского игрока суровые судьи поташут — ногами вперед — на свалку истории, они будут говорить другие, не традиционные слова. Они скажут:

— Идите сюда все. Смотрите! Вот так человечество расправляется со своими тиранами!

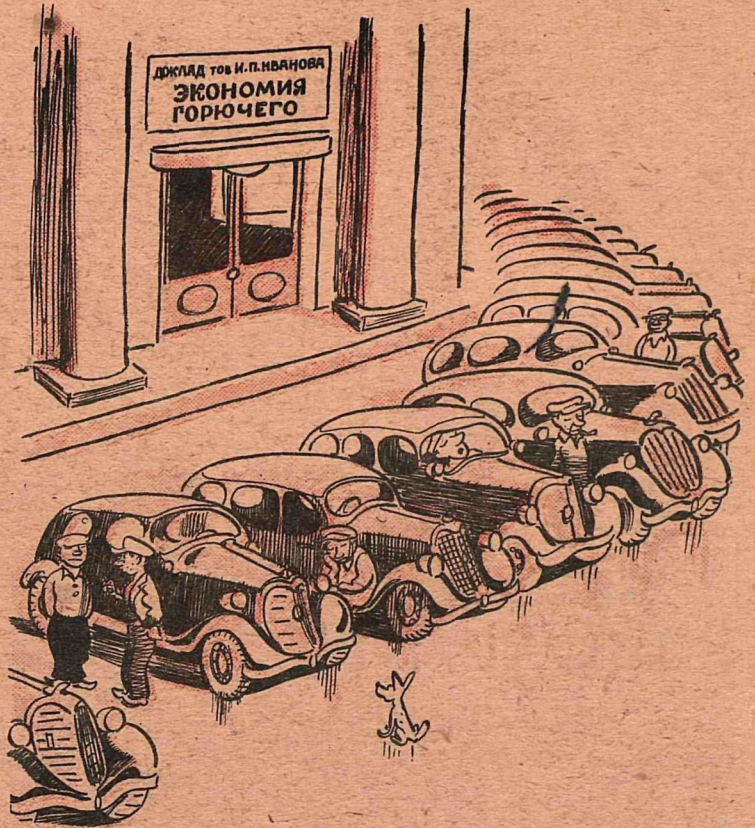
Л. ЛЕНЧ.

Кстати об ЭКОНОМИИ

Рисунки Ю. Гамфа

— В сентябре я сожгу топлива на 50 процентов меньше, чем в августе.
 — Как это тебе удастся?
 — Очень просто. Половину дров у меня украли.

Теория и практика.

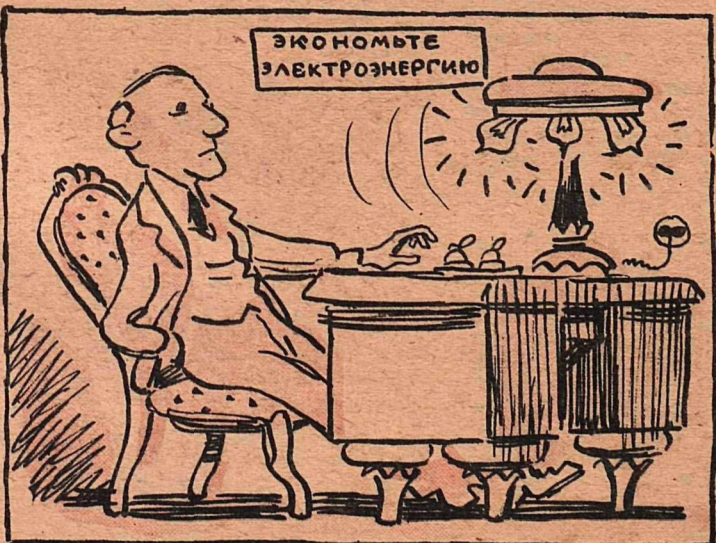
ТАБЕЛЬ О РАНГАХ, или кривая роста экономии электроэнергии

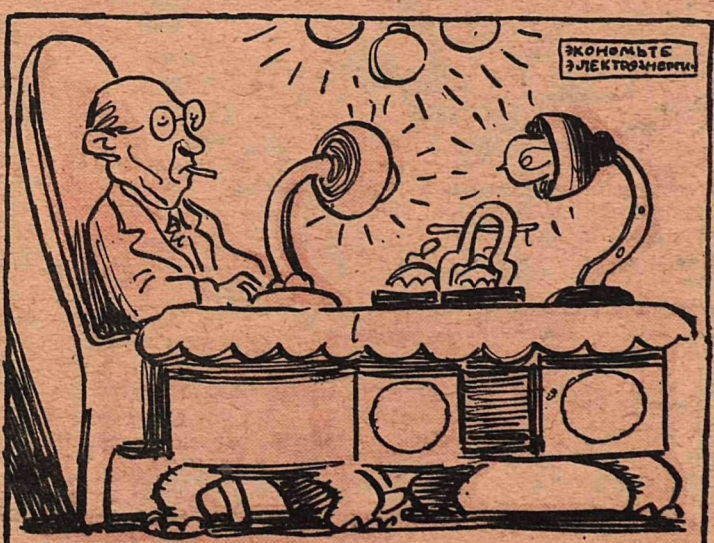
Уборщица Шура (0,00 ватт).

Делопроизводитель Лузиков (15 ватт).

Управделами Чижиков (100 ватт).

Сам зав (300 ватт и выше).

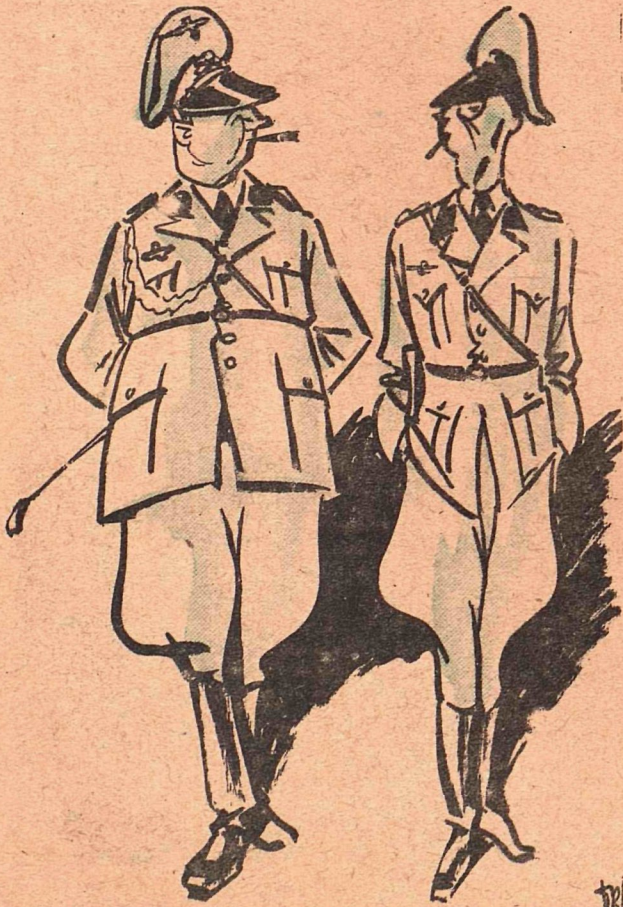
Золотушное детство

— Ганс Рихтер!
 — Здесь, господин директор!
 — Где находится Африка?
 — В Африке, господин директор!
 — Хм... Исчерпывающий ответ. Можешь ты еще что-нибудь добавить к этому?
 — Никак нет, господин директор!
 — Чего ты кричишь, Ганс Рихтер? Говори спокойно.
 — Есть говорить спокойно, господин директор!
 — Вот условия задачи, Ганс Рихтер. Решай ее.
 — Есть решать задачу, господин директор!
 — Ну?
 — Есть ну, господин директор!
 — Есть ну, но нет решения задачи, Ганс Рихтер.
 — Так точно, господин директор!
 — М-да... Не скажешь ли ты нам, что мы называем именем существительным, Ганс Рихтер?
 — То, что существует, господин директор!
 — Ну, достаточно, Ганс Рихтер. Я думаю, коллеги, что вопрос ясен?
 — Да, да, конечно, совершенно ясен.
 — Послушай, Ганс Рихтер, неужели тебе не стыдно? Такой здоровенный оболтус, а не можешь ответить на простейший вопрос по географии, решить легкую задачу, не знаешь, что такое имя существительное. Вот сидят твои учителя, твой директор, и стоишь ты перед нами дурак-дураком. Зачем ты вообще пришел на экзамен? О чем ты думаешь? Чем ты занимаешься?
 — Проявляю, господин директор!
 — Что ты проявляешь, Ганс Рихтер?
 — Проявляю! Волю! К! К! Сотрудничеству! С! Организациями! Гитлеровской Молодежи! Господин директор!
 — Ах вот как? Что же ты сразу не ска-

зал? Я думаю, коллеги, вопрос совершенно ясен?
 — Да, да, конечно, господин директор!
 — Ты переводишься в следующий класс Ганс Рихтер. Поздравляю тебя!
 — Рад стараться, господин директор!
 — Отто Шульц!
 — Здесь, господин директор!
 — Что такое калория?
 — Хи-хи-хи...
 — Что ты смеешься, Отто Шульц?
 — Очень смешное слово, господин директор!
 — Проявляешь волю к сотрудничеству?
 — Так точно, господин директор!
 — Переводишься! Поздравляю!
 — Рад стараться, господин директор!
 — Ну, кто там еще? Фальк! Шуккер! Визель! Проявляете?
 — Так точно, господин директор, проявляем!
 — Перевождитесь! Поздравляю! Экзамены окончены!
 — Простите, господин директор, я бы хотел сказать несколько слов, с вашего позволения.
 — Внимание, дети! Слушайте, что скажет вам ваш классный руководитель и руководитель гитлеровской молодежи господин Эмиль Туппе!
 — Юные гитлеровцы! Поздравляю вас с блестящим окончанием учебного года! Все вы перешли в следующий класс. Только в Германии возможны такие успехи! Ваша родина любит вас, будущие воины! Еще раз хочу я огласить последний приказ германского министра просвещения. Вот он: «Школьники имеют право на перевод в следующий класс даже в случае неуспеваемости, если они проявляют волю к сотрудничеству с организациями гитлеровской молодежи». Вдумайтесь в этот приказ! Оцените его! В то время как в России свирепые большевики безжалостно заставляют ваших несчастных ровесников прожить лучшие годы жизни на изучение азиатской преледрости, ваша золотое детство не сравнимо ни с чем подобным. Хайль Гитлер!
 — Хайль! Хайль! Хайль!

ОДИН КОНЕЦ

Рис. Б. Клинка

— Я, вероятно, скоро получу наследство: мой дядя опасно болен.

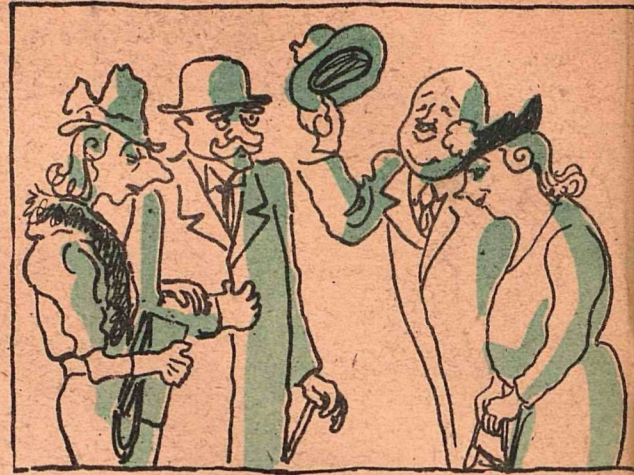
— А я надеюсь получить наследство еще скорее: моего дядю наградили поместьем на Украине.

— Послушай, Густав, мы с тобой старые поварихи. Вместе мы учились, вместе преподавали, вместе сражались в прошлую войну. Ты оставил свою левую руку рядом с моей правой ногой. Вместе мы вышли на пенсию и оставили школу. Вместе вернулись теперь в нашу старую школу. Молодые педагоги воюют, а старики нас, стариков. Нас никто не подслушивает, мы можем говорить откровенно. Что это за бред они называют экзаменом? Что за идиотский циркуляр? «Золотое детство» сказал этот болван. Ты заметил, сколько больных не явилось на экзамен? Золотушное детство, а не золотое. А те, которые «выдержали»? Ведь это будут круглые невежды! Что они смогут делать в жизни? Только вопить «Хайль Гитлер!» Сегодня «хайль», завтра «хайль», а послезавтра что? Чего ж ты молчишь, Густав? О чем ты думаешь?

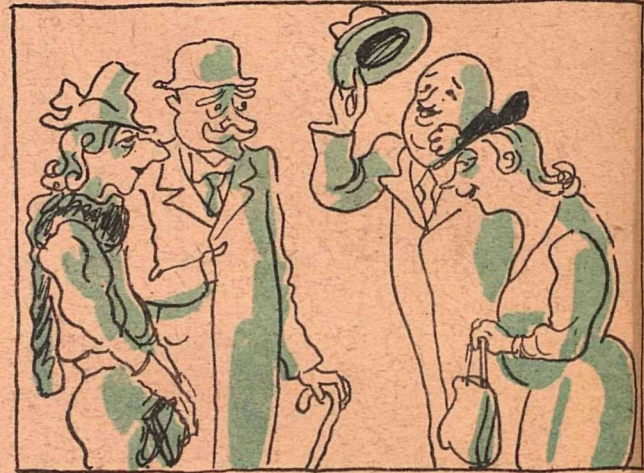
— Я думаю о том, Оскар, что послезавтра им уже некому будет кричать «Хайль!»

А. РАСКИН

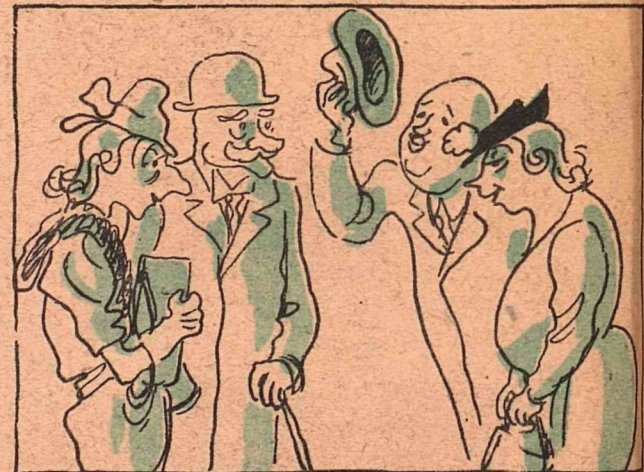
Рис. Н. Радлов

— Фрау и герр Туппе, встретив на прогулке своих друзей фрау и герра Кранке, пригласили их к себе на чашку эрзацкофе, Гитлерштрассе, 32, среда, 6 часов вечера.

— Будем рады вас видеть в четверг, в 6 часов вечера, на Герингштрассе, 45, в нашей новой квартире, — радужно пригласили супруги Туппе супругов Кранке при следующей встрече.

— Ждем вас в субботу, в 6 часов вечера, в нашей новой квартире, в переулке Гейбельса, дом 11.

П и с

Расскажи мне — ты прежняя? Та ли, что была? Иль тебе, может быть, с той поры, как с тобой расстались Разонравилось ждать и любить?..

Путь мой, знаешь, суров и мятежен, Боевые, горячие дни... Что же письма ты пишешь все реже И короткими стали они?

Я считаю и ловким и смелым, Только другу, не глядя в глаза, Про тебя, что ты ждать не сумела, Я никак не осмелюсь сказать.

Друг мне скажет спокойно и просто (Ты за грубое слово прости), Скажет: «Что пригорюнился?

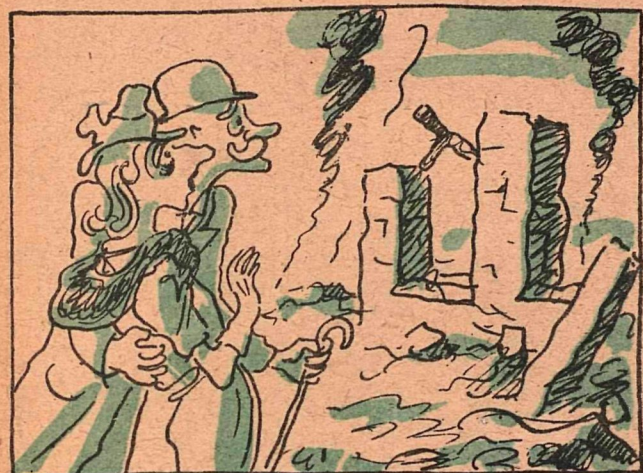
Брось ты

О такой вертихвостке грустить.

Мы вернемся, пройдя через беды,

Аккуратно придя в среду, чета Кранке не нашла ни чашки эрзацкофе, ни дома 32 на Гитлерштрассе.

Фрау и герр Пуше были, как всегда, аккуратны, но опять не нашли ни чашки эрзацкофе, ни дома 42 на Герингштрассе.

— Приглашают, а самих никогда дома нет.

М О

И до самых окраинных сел
Мы на знамени слово «Победа!»
По великой стране пронесем.

Будут новые, яркие встречи,
И, поверь, от зари до зари
Будут девушки тихие речи
О любви нам с тобой говорить...

Так он скажет — и верно и хлестко,
Только мимо ушей пропущу...
Все равно о своей вертихвостке
Я осенью ночью грущу.

Ну кому тут рассказывать будешь
(Разве месяцу над головой?),
Что, наверно, ты скоро забудешь
Номер почты моей полевой.

МАРК СОБОЛЬ,
старший сержант

Действующая армия.

Замысловатый народ

З А торжественным столом председательствует полковник; по бокам сидят всякие почтенные представители и врачи; на конце стола — писарь Бурькин. Он ведет протокол комиссии по отбору призывников в военные училища. Перед ним куча бумаги.

— Я люблю это дело — вести протоколы, — говорит Бурькин. — И уж если писать, так со всеми подробностями!

Вот первый парень подходит к столу. Его нельзя окинуть одним взглядом, этого парня. Надо поднять голову, как задирают ее, стоя у подножья колокольни и глядя на купол. Председатель спрашивает:

— Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения?

— Макаров! Иван! Фомич! 1924-й! Еще несколько вопросов, и затем:

— К чему имеете склонность? В какое училище хотели бы?

Парень мнется:

— С детства я имел мечту в кавалерию... А сейчас ребятам рассказывал, они говорят, стыдно.

— Чего это — стыдно?

— Лошадей, говорят, мучить стыдно. Будто подо мной любой конь костями поляжет. Они говорят: «Заведи слона и тогда со своим слонем в кавалерию просись».

— Это верно, — соглашается председатель. — То есть не насчет слона, а по поводу роста. Очень уж вас тщательно вырастили. А артиллерийское училище вас не прельщает?

Соглашаются на артиллерийском. Писарь товарищ Бурькин старательно записывает все, даже и про слона. Парень идет за ширму, где сложена его одежда, и говорит приятно, который в ожидании своей очереди поспешно раздевается:

— В артиллерийское.

— Ну, поздравляю! Только как же: в качестве тяжелого орудия или все-таки артиллеристом?

— А ну тебя!

Парень идет к столу, неуклюжий и добродушный.

— Фамилия? Имя? Отчество?

— Степочкин, Борис Федорович.

После очередных вопросов:

— Вот вы оставались на территории, временно оккупированной врагом. Ну и как же: немцы вас не драгали?

Степочкин широко улыбается:

— Не-ет...

— Стало быть, как же мирно с ними проживали?

— Не-ет...

— Ну, а если поподробнее?

— А мы так решили: кто-нибудь один прогнать другого должен — либо они нас либо мы их...

— Стало быть, вы их?

— Ага!

Когда добродушный парень, одетый, выходит из-за ширмы, кто-то из комиссии замечает орден на его груди.

— Это за то, что не они вас, а вы их?

— Ага!

Следующий — бойкий кудрявый малый — на вопрос: «Имеется ли профессия? Какую именно?» — задумывается.

— Ну что же вы?

— Да боюсь, как бы не прогадать. Скажу, я шофер, вы, пожалуйста, в танко-

вое определите; скажу — пулеметчик, совмещаете в артиллерию; сознаюсь, что джигитовать умею, — сейчас в кавалерию. А мне лично, например, в авиацию охота.

— Так вы говорите то, что действительно правда?

— Да оно, я извиняюсь, все как есть правда. Джигитуюем мы вообще все с малых лет. Это даже и нельзя у нас, чтобы не джигитовать. А шофером я с шестого класса школы, с тех пор как наш колхоз машину купил. У нас все ребята машиной интересовались. А пулеметчиком это я с прошлого года, потому что наш колхоз прифронтовой был. Нельзя, чтоб не пулеметчиком. Но мне в авиацию охота.

— Какой беспокойный парень! — шепчет товарищ Бурькин на ухо сидящему рядом врачу. — Я, например, в мирное время двадцать лет делопроизводителем был, и сейчас писарем. По одной линии. А спот и туда и сюда. Между прочим, это слово как пишется: «жгетговать» или «жигетговать»?

Еще один подходит к столу. Он, оказывается, занимается фотографией. Имеет десятилетний стаж. С каких лет? Да уж давненько, лет, наверное, с восьми. Он очень легко обращается с такими словами, как «аэрофотограмметрия», «фотогелиограф» и даже «фотолюминесценция». И он тоже хотел в авиацию.

И когда будущий летчик, сияющий, отходит от стола, писарь товарищ Бурькин тихонько говорит:

— Товарищ полковник, разрешите спросить? — и, получив разрешение, жалобно просит: — Разрешите вести протокол без подробностей, а то народ пошел какой-то слишком замысловатый, и мне как-то за ними не угнаться...

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. К. Елисева

— А ты, Степа, все такой же маленький, совсем не растешь.

— Как не расту? А ты посмотри на доску: за одну только неделю вырос на 62 процента.

Рис. А. Баженова

— Ты записан добровольцем, можешь выйти из тюрьмы.
— За что вы меня губите, господин надзиратель?

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

КЛАДБИЩЕНСКОЕ САМООБСЛУЖИВАНИЕ

— Сколько их?
— Четырнадцать, товарищ сержант. Все с лопатами.
— Что делают?
— Пока что размечают котлован, видно, под блиндаж. Озираются, товарищ сержант.
— Ага. Ну, тульской немножко пороют.
Через некоторое время сержант Зубов снова спросил наблюдателей:
— Ну, как там фрицы-гробокотатели? Глубокий вырыли котлован?
— Да ничего.
— Хватит для четырнадцати?
— Вполне.
— Все они в сборе?
— Все.
— Огонь!

Первый минометный залп загнал всех фрицев в вырытый ими котлован. Сержант прибавил огоньку. Мины накрыли всех до единого.
— Рыли фрицы во здравие, а вырыли на упокой.

(«Вперед на врага»)

ПОСЛЕ БОМБЕЖКИ

— Доктор Геббельс говорит, что русские и англичане преследуют разные цели.

— На этот раз доктор Геббельс прав: когда русские бомбы падали на Кенигсберг, английские бомбы падали на Дуисбург.

(«В решающий бой»)

ТОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ

РАЗВЕДЧИК: — Бабушка! Много немцев осталось в вашей деревне?

БАБУШКА: — Много, родимый, целое кладбище.

(«Гвардейское знамя»)

ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫВОД

— Наш фюрер говорит: «Война — это я!»
— Значит, войне и фюреру конец придет одновременно.

(«Боевая красноармейская»)

Редкий экземпляр

Он зашел ко мне в кабинет и, застенчиво кашлянув, спросил:

— Петр Андрееч, это вы?

— Да, я.

Он ласково взглянул на меня, улыбнулся и признался:

— Дурак.

Признаться, я обиделся. Так поступил бы всякий на моем месте.

Действительно, безобразие: первый раз в жизни вижу человека, а он вдруг ни с того ни с сего ругается.

— Что вам угодно, гражданин? — спросил я сердито.

Он опять улыбнулся, вежливо поклонился и повторил:

— Дурак.

Всякому терпению есть границы. Я вскочил с места и, вспомнив, как это делается в трамвае, закричал:

— От такого и слышу! Не имеете полного права нахальничать! Мы с вами поговорим в другом месте!..

Он испуганно замахал руками:

— Что вы, Петр Андрееч, что вы! Вы меня не так поняли. Не вы дурак, а я дурак. Это я отрекомендовался. Так сказать, представился. Это я вместо своей фамилии. Можно присесть? Спасибо. Ну, к примеру, сказал бы я Сидоров или Ермолаев. Для вас — пустой звук. Сидоровых и Ермолаевых — гуйма. Правда, и дураков немало на свете. Как говорится, хоть пруд пруди. Но все же это более по существу. Как-то конкретней. Чтоб вам ясно было, с кем имеете дело.

— Простите, — сказал я, сильно смутившись. — Простите, и, кажется, немного погорячился.

— Да. Погорячился. Хоть я и дурак, а

все же заметил. Но я никак в толк не возьму: почему вы обиделись? Вот вы умный человек, а обоюбили вас «дураком» — и сразу на стенку лезете. И вообще, разве это ругательное слово? Ведь оно легко произносится даже в обществе женщины и детей. Я гражданин Икса, к примеру, считаю глупым. И чистосердечно говорю ему об этом. А он, душень, морщится. Почему? Это ведь только констатация факта. Ну, скажу я: «вы блондин», «вы брюнет». Еще хуже того: «вы рыжий». И — ничего. А намекаешь ему, что он дурак, так он немедленно готов в драку лезть. А вот я сам себя вслух обзываю...

— Это, если хотите знать, очень странно. Как-то необычно.

— Но, признаться, и я совсем недавно стал на этот путь. Я ответственный работник. Еще до войны был главой по одному, то другого учреждения. Меня несколько раз снимали как не справившегося. Так обычно записывали в приказе. А вернее было бы сказать: «освободить за проявленную глупость». Меня с одного почетного места снимали, а на другое почетное место сажали. Я сам — да и многие другие — полагал, что я все же расту. Раз я в больших чинах, то, значит, вырос. Потом я понял свое заблуждение. Я где-то вычитал — уж не помню где, — что «некоторые полагают, что им вместе с чином дается и ум». Бывает так: чин дали, а ума не прибавили. Вот это как раз имеет ко мне прямое отношение.

— Прислушайте, дорогой товарищ, ведь...

— Простите, пожалуйста, но попрошу вас не прерывать меня. Так вот... Я считал себя персоной, поскольку у меня была персональная машина. Качался и важничал. Не хотел прислушиваться к мнению других, а сам не

имел своего мнения. Считал для себя униженным учиться у более опытных и знающих. Короче говоря, был дурак дураком. А тут началась война. Это, значит, мобилизация всех сил. Мобилизация всего ума, инициативы, таланта, выдумки. Я же ничего нового внести не мог. Мои дни текли, как в мирное время. Но вот совсем недавно я опомнился. Я подумал: какое право имеет такой дурак, как я, занимать такой пост в такое время? Ведь я могу принести непоправимый вред. Хотя бы одним тем, что не могу принести пользу, я уже наношу ущерб государству. Вот я и пришел к вам, Петр Андрееч, посоветоваться: что мне делать и как мне быть? Умоляю, чтоб выслушать ваш приговор.

— Ваше имя, отчество?

— Предположим, Иван Иванович.

— Дорогой Иван Иванович! Вы редкий человеческий экземпляр. Настоящий дурак, когда заходит речь о дураках, громче всех кричит о том, что надо покончить с дураками. Потому что самого себя он считает умнее всех мудрецов. Вы же, Иван Иванович, поняли свои ошибки и заблуждения. И, если вы были этим... дураком, то сейчас вы... излечились. И я уверен, что сейчас вы будете...

* * *

Петр Андрееч, к ужасу своему, увидел, что перед ним пустой стул. Ивана Ивановича не было. Никого в комнате не было.

Где же Иван Иванович?

Может, он и не приходил? Может, все это померещилось Петру Андреечу?

Иван Иванович, где вы? Если вы в самом деле существуете, откликнитесь!

Г. РЫКЛИН.

- В последнем акте появится фюрер.
- Тогда я не досижу до конца.
- Значит, ты досидишь в другом месте.

Военная тайна

ДОРОГАЯ жена! Сколько раз я учил тебя, что болтливость в военное время наружу врагу, а ты жуть бы что! Пойми же, что я не имею права подробно рассказывать тебе о своей нынешней жизни постольку, поскольку у нас сейчас война и надо соблюдать тайну.

Я уже писал тебе, что работаю зам. зав. складом в местном райпищеторге, где счетоводом тов. Сидоркин. Дел уйма. Сейчас идет уборка гурожка, поэтому к нам крутые сутки поступает к-ль, м-вь, к-ста и прочие венские овощи.

Из прежней квартиры я выехал: шумно и мало удобств. Снял комнату в доме, где управляющим тов. Путьшкин. Рядом со мной поселился твой дальний родственник Н., он

сейчас служит истопником в бане, где заведующим тов. Кузюкин.

Работаю не покладая рук, стараюсь заполнить каждую минуту полноценным трудом. Мой заведующий временно болен, поэтому я исполняю его обязанности. Наднях на моем складе югнила тонна свеклы, меня уже вызывал следователь Д.

Свободного времени совершенно нет. Позавчера смотрел известную картину из эпохи гражданской войны, — название, конечно, сообщить не могу, поскольку военное время. Скажу только, что сделали эту картину бр. Васильевы, те самые, которые сделали картину «Ч». Закончив сеанс в кино, пошел в гости к своему сослуживцу, у которого теща Фаина Дементьевна. Пили чай, закусили, по-

сле чего голова очень кружилась и на другой день даже опоздал на службу.

Больше у нас новостей никаких. Моторный завод, что находится на Чайной улице, рядом с клубом пиццевиков, строит новый цех. В городе у нас обучается панковская дивизия. Военный аэродром, где заведующий буфетом тов. Ш., ищет уборщицу. Хочу порекомендовать тебя, если ты пожелаешь приехать.

Домашнего адреса своего не сообщал постольку, поскольку военное время. Пиши до востребования, почт. ящик № 23, овощной склад райпищеторга, для передачи мне. Клянись тете, у которой муж тов. Чичкин.

Твой любящий супруг Н.
С согласия супруги Н. письмо опубликовал

И. ВЕРХОВЦЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 48, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Над-во ЦИ ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 709

Подп. к печати 8/IX 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

A61495

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Зак. 2462

Тираж 200 000 экз.

Рис. А. Каневского

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

29 СЕН 42

Всесоюз. Кни. Палата. Получено

	ериод и сч. дни	„Лет ценный“	„Журн. лет“
Получ. в ред.			
Тан	30/IX		
	13/8 42		

Разгром немцев не за горами!